

Мия Петрос

**Сюрприз для
бывшего. Тайная дочь**

«Литнет»

2025

Петрос М.

Сюрприз для бывшего. Тайная дочь / М. Петрос — «Литнет»,
2025

Когда-то Максим клялся мне в любви, но в один день он, обвинив в измене, швырнул в лицо фото и ушел... Я промолчала, не решившись сказать, что ношу под сердцем его дочь. Гордость не позволила унижаться и доказывать, что фото — подделка. Все подстроила его мать, посчитав меня неудачной партией для сына. Да и его появление на мероприятии с новой девушкой я посчитала предательством... Но внезапно меня подкосила болезнь, а дочь осталась на попечении соседки. И теперь я не знаю, что с ней будет... ****
— Это ваша дочь. — Девочку подтолкнули вперед. — Доказательство — у нее в руках. Ей либо в детдом, либо к отцу! Женщина торопливо поставила сумку мне под ноги и сбежала. — Девочка, ты кто? — Я присел на корточки и заглянул в такие знакомые глаза. — Анна Максимовна Зайцева! — серьезно посмотрела на меня девочка. — А маму зовут Вероника? — Разглядывая свою маленькую копию, понял, что все, что происходит сейчас, не шутки. — Да!
*смертельная болезнь *прощение *тайный ребенок *миллиардер и бедная девушка *Хэппи Энд

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Максим

Меня окликнули на парковке бизнес-центра, и сердце странно дернулось в груди.

Пожилая женщина стояла рядом с девочкой лет пяти, и что-то в ее облике вызывало у меня чувство тревоги. Кажется, я видел этого ребенка раньше...

— Максим Викторович Макаров? — уточнила женщина, но я уже знал, что она не ошибается. Ее голос дрожал, но глаза были полны решимости.

— Да, это я, — отозвался равнодушно, а у самого по спине пробежал холодок.

— Это ваша дочь. — Она подтолкнула девочку вперед, и та сделала неуверенный шаг. — Ей некуда идти. Мать в больнице, а вы все же папаша.

Я отшатнулся, не веря ушам. Это ошибка! Я не мог быть отцом этого ребенка, не мог...

— Вы ошиблись, — повторил я, пытаюсь найти в себе силы, чтобы уйти.

Но женщина не собиралась отпускать меня так просто.

— Вот доказательство, — настойчиво протянула конверт с фотографиями. — И в свидетельстве о рождении ее отчество указывает на вас. Документ — у нее в рюкзаке.

Не сказав больше ни слова, женщина торопливо поставила спортивную сумку мне под ноги и сбежала, оставив меня наедине с девочкой.

— Девочка, ты кто? Ты здесь по ошибке, правда? — Я присел на корточки и заглянул в ее глаза.

Они были такими же, как у меня в детстве, — пытливыми, полными озорного огонька.

— Анна Максимовна Зайцева! — сдвинула брови девочка.

— А маму зовут Вероника? — Разглядывая свою маленькую копию, понял, что все, что происходит сейчас, не шутки.

— Да! — непонимающе уставилась на меня малышка. — Я хочу есть и писать!

Ее глазки стали наполняться слезами, и внутри у меня все болезненно сжалось.

— Пошли, — решил я.

Подхватил сумку, которая оказалась неожиданно тяжелой, и направился к лифту, чувствуя, как мой привычный мир рушится.

Девочка едва поспевала за мной, ее маленькие ножки заплетались и цеплялись за любые неровности. Пришлось остановиться, чтобы она догнала меня.

Малышка вложила свою ладошку в мою руку. Я инстинктивно сжал ее. Что-то странное, почти пугающее происходило со мной в этот момент. Я не мог избавиться от ощущения, что этот день изменит все.

Ребенок не вызывал у меня никакого отторжения. Наоборот, я чувствовал странное тепло, разливающееся в груди. Да и ДНК-тест можно сделать достаточно быстро, если это действительно необходимо.

Лифт поднялся на шестнадцатый этаж. В ту же секунду нас заметил весь офис. Я сам настоял на прозрачных кабинках, чтобы все всегда были на виду. Теперь змеиному гнезду будет, что обсудить, — они моментально перемоют мне кости, выстроят догадки и версии... Но это ничего. Куда важнее разобраться с девочкой.

Звонок от мамы можно было ожидать примерно через пятнадцать минут. За это время ей уже доложат, что я пришел в офис не один.

На ходу кивнул секретарше и попросил:

— Катерина, сообразите завтрак для ребенка. Что там они обычно едят?... А мне сделайте кофе.

Подумав, добавил:

— С мамой не соединять!

Не обращая внимания на ее явный интерес, вошел в кабинет и проводил малышку в личную комнату.

— Давай мне свой рюкзак. Туалет здесь, — открыл потайную дверь. — Сама справишься?

— Я большая! — возмутилась девочка и тут же юркнула внутрь.

В руке я по-прежнему сжимал конверт с фотографиями. Вернувшись в приемную, сел в кресло и, вытащив небольшую пачку цветных кадров, начал их перебирать.

На фотографиях были я и Вероника... Я помнил каждое место, да что там говорить — каждое мгновение, проведенное с ней, до сих пор горело в памяти, жгло душу.

Почему она ничего не сказала?

И почему я чувствую вину, хотя изменила она?

Вероника

Весь день голова кружилась, словно я только что слезла с американских горок, а во рту чувствовался металлический привкус. Я пыталась сосредоточиться на работе, но каждый шаг давался с трудом. Растения требовали ухода, но я сама нуждалась в помощи...

Я работала в огромном торговом центре, в цветочном бутике. Мне нужно было поддерживать цветы в идеальном товарном виде, вовремя убирать увядающие и нераспроданные. Но в последние дни меня преследовала странная слабость, словно кто-то высасывал все силы. Боль в теле не проходила, как будто внутри меня поселился невидимый враг. Простые меры, вроде отдыха и горячего чая, не помогали. Это не было похоже на банальную простуду...

— Вероника, с тобой все хорошо? — подскочила ко мне администратор Лена.

— Не знаю... — Я облокотилась на стеллаж, чувствуя, как мир вокруг начинает плыть.

Головокружение было настолько сильным, что я едва могла стоять на ногах.

— У тебя кровь пошла из носа... Надо в больницу, срочно. Ты какая-то бледная, круги вон под глазами! — воскликнула Лена, с тревогой осматривая меня.

— До конца смены пару часов, после нее пойду, — попыталась отмахнуться я, вытирая бордовую струйку.

Но болезнь все решила за меня. Мир качнулся, потемнел, и я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Дыхание сперло. В ушах зазвенело, а перед глазами замелькали яркие пятна.

— Вероника! Вероника, держись! — услышала испуганный крик Лены.

Я почувствовала, как она подхватывает меня, но не смогла ничего ответить.

Последним, о чем успела подумать, перед тем как сознание покинуло меня, было: «Анютку надо забрать из садика...»

Эта мысль, как маленький лучик света, пробилась сквозь пелену боли. Я знала, что должна вернуться, чтобы увидеть свою маленькую дочку.

Но сил не осталось даже на это... Тьма поглотила меня, и больше я ничего не видела и не слышала.

Добрый день, дорогой читатель!

Рада вас видеть на страницах своих книг. Приглашаю вас подписаться на страницу автора, чтобы не пропустить оповещения о новиках и скидках.

Мия Петрос: https://litnet.com/shrt/_Ma_

За подписку, лайк книге, отдельное спасибо!

Глава 2

Пришла в себя в больнице, в палате интенсивной терапии, обвешанная проводами. Сердце колотилось как бешеное. Я пыталась понять, что происходит, но паника сжимала горло.

В этот момент в палату вошел доктор с медсестрой. Он взял меня за руку и посветил в глаза ярким фонариком.

— Так, успокоительного, — назвал медсестре препарат и обратился уже ко мне: — Ну что вы, вам нельзя волноваться! Мы вытащим дыхательную трубку, но пока вы останетесь здесь. Скоро должны прийти результаты ваших анализов...

Его слова эхом отдавались в голове — сознание все еще было затуманено.

Врач что-то сделал с трубкой, и я почувствовала, как она медленно покидает мой рот. Облегчение длилось недолго — к верхней губе были прикреплены другие трубки. Дышать стало чуть легче, но говорить я так и не смогла — только хрипы вырывались из горла.

Доктор внимательно посмотрел на меня и брызнул мне в горло чем-то из флакона. Я почувствовала, как оно смягчается, и попыталась сделать глубокий вдох.

— Вот так, — сказал мягко, но я уловила тревожные нотки в его голосе. — Теперь все хорошо.

Действительно, мне полегчало. Я с трудом сглотнула слюну и сказала первое, что пришло на ум:

— Дочь из садика забрать нужно...

Врач покачал головой, не отрывая взгляда от кипы бумаг, которую ему принесла медсестра. Его движения были медленными и отстраненными, как будто он уже все для себя решил.

— Вы здесь вторые сутки... — ответил тихо и безэмоционально. — Судя по анализам, у вас, скорее всего, онкология. Нужны дополнительные исследования и МРТ, как только состояние стабилизируется.

— У меня? Этого не может быть... — прошептала дрожащим голосом.

Глаза расширились от внезапного осознания, тело тут же стало ватным. Мир вокруг закружился как карусель, и я обессиленно прикрыла веки.

Врач говорил что-то еще, но я уже ничего не слышала. Я словно оглохла. Реальность отдалилась, оставив меня наедине с ужасом. Единственное, что имело значение, — это моя дочь, которая сейчас была одна, без меня, непонятно где.

Очнуться заставила резкая боль в руке — медсестра с безжалостной точностью взяла кровь на анализы. Я стиснула зубы, но глаза невольно наполнились слезами.

— Я могу позвонить? Соседка присмотрит за дочерью... — Голос прозвучал так слабо, словно вот-вот мог раствориться в воздухе.

Медсестра нахмурилась, бросила на меня сочувственный взгляд и довольно строго ответила:

— Ваш телефон у заведующего отделением. Он отвечал на звонки, сообщил какой-то женщине о вашем состоянии... Насколько я поняла, ребенка кто-то забрал.

— Вы можете ей позвонить, спросить? — вцепилась в последнюю надежду.

— Знаете наизусть номер телефона? — Удивление медсестры было почти осязательным, будто она не верила, что я могу помнить что-то столь личное в такой момент.

— У меня их не так много... Вернее, только она и помогает нам.

Я продиктовала номер, стараясь не путаться в цифрах. Медсестра записала его, затем молча вышла, оставив меня одну в этой стерильно белой комнате.

Закрыла глаза, пытаясь снова заснуть, но страх и тревога не давали покоя. Успокоительное и, возможно, обезболивающие начали действовать, но мысли все еще хаотично металась

в голове, как стая испуганных птиц. Да и сердце неистово колотилось в груди, словно пытаюсь вырваться наружу.

Я постаралась выровнять дыхание. Это происходит не со мной, это просто нелепая случайность. Я перетрудилась, нужно немного отдохнуть...

Но почему тогда так тяжело на душе? Почему так страшно? Почему меня не покидает ощущение, что все это — лишь начало конца?

Из палаты интенсивной терапии меня перевели через три дня. Как только стабилизировали состояние, сразу отправили на МРТ...

Навестить меня разрешили только через неделю. Учитывая, что я находилась в отделении онкологии, соседке Марье Васильевне пришлось чуть ли не скафандр надевать: в палату она вошла в халате, бахилах, маске, перчатках и шапочке...

Дочь не привела — сказала, что не разрешили. Присела у койки и с грустью посмотрела на меня. Я сразу ощутила, что что-то не так.

— Где Анютка? — спросила, стараясь не показывать волнение.

— У отца, — вздохнула Марья Васильевна и перехватила мою руку, которую я попыталась поднять в знак протеста. — Подожди! Подумай о себе! Она в надежных, не чужих руках. Денег у него куры не клюют, как-то справится, а ты должна выкарабкаться ради нее!

— Он даже не знал о ее существовании. Кто вам разрешил рыться в моих вещах? Как вы вообще о нем узнали?! — Нервы сдали, и я не смогла сдержать обидных слов.

— Не горячись! Думаешь, Анютке было бы лучше в детском доме? А потом как забирать ее оттуда? С таким-то диагнозом... А так, может, договоришься, увидитесь еще! — она засуетилась. — Я тут тебе вещи принесла, все строго по списку, что продиктовала медсестра.

— Где мне теперь ее искать?.. — тихо заплакала я, не имея даже сил подняться.

Несмотря на то, что у нее были благие намерения, все это только усугубило мое состояние. Я чувствовала себя беспомощной, брошенной и одинокой. Как я найду дочь, если даже не знаю, где она? Как справлюсь с этим?

Слезы потекли по щекам неудержимым потоком, а сердце сжалось от невыносимой боли. Я закрыла глаза, пытаюсь успокоить растревоженные нервы, но мысли о дочери не оставляли меня ни на секунду.

Я должна была найти ее. Вернуть. Ради нее я была обязана бороться.

— Я ей свой старенький телефон отдала и сим-карту. Твой номер вбила, сказала, что мама обязательно перезвонит! — попыталась подбодрить меня Марья Васильевна.

— Я не могу, мне еще не разрешают... — прошептала, чувствуя, как накачивает отчаяние.

— А я попрошу, чтоб хоть раз в день давали поговорить! — решительно заявила соседка, вставая.

— Я не уверена, что вы правильно поступили. Он эгоист и гад, сдаст ребенка в детдом, глазом не моргнет! — с горечью сказала я.

— А ты надейся на лучшее и выздоравливай! В общем, у меня время вышло, вещи вот, — Марья Васильевна указала на сумку. — Цветы полью, Анютку навещу, если позволят. Нет — позвоню ей сама! Отдыхай и набирайся сил, Вероника.

Она буквально сбежала, оставив меня одну в этом мире, полном страданий и неопределенности.

И тут я поняла: жалеть себя не получится. Придется собирать остатки сил во что бы то ни стало и забирать дочь. Вряд ли Максим обрадовался «сюрпризу». Ему никогда ни до кого не было дела, а уж его мама... Она обидит мою дочь, отравит ее своим ядом.

Не потерпит ребенка, родившегося от такой нищеводки, как я...

Глава 3

Максим

Я сидел в своем кресле и наблюдал за тем, как ест эта мелочь. Аккуратно, не торопясь, словно на светском приеме. Манерами девочка напоминала ее мать. Вероника тут же предстала передо мной, словно я видел ее только вчера.

У меня к ней было столько вопросов! Почему она не потребовала алиментов? Почему, черт возьми, не сказала ни слова в ответ на мои обвинения? Тогда она просто ушла с гордо поднятой головой. Ни капли слез, ни слова упрёка. А я...

Я легко сдался. Просто вычеркнул ее из своей жизни, как будто она была пустым местом.

Но что-то внутри меня изменилось. Новые отношения, случайные связи — все это было лишь тенью того, чего я хотел. Я не мог найти женщину, которая заменила бы Веронику. Мама пыталась внушить мне, что жениться я должен по ее воле, но я не слушал.

Я хотел только Веронику.

Теперь передо мной стоял ее образ. Ее глаза, полные гордости и обиды. Ее улыбка, которая всегда казалась мне загадочной. Я вдруг осознал, что все эти годы жил в пустоте. В пустоте, которую могла заполнить лишь она.

Я дождался, когда девочка доест, и спросил как можно мягче, чтобы не напугать ее:

— Так а что с мамой произошло?

— Заболела сильно, — ответила Аня, теребя край своей кофточки.

Ее глаза заблестели от слез, и она быстро вытерла их рукавом.

— К ней даже в больницу не пускают, — девочка замолчала, словно не могла продолжить.

Я подошел к ней и присел на корточки, чтобы быть на одном уровне. В этот момент я почувствовал, как сильно она нуждается в поддержке. Я взял ее за руку и сказал:

— Анечка, не плачь. Я здесь, и я не оставлю тебя.

— Марья Васильевна меня из садика забрала, я неделю жила у нее дома, — сказала она дрожащим голосом. — А завтра ей нужно ехать к внукам. Она не может меня с собой взять.

Внутри что-то больно царапнуло. Мне захотелось обнять ее, прижать к себе и пообещать, что все будет хорошо. Но я знал, что это не так просто, как кажется.

— Так что произошло? — спокойно повторил я.

— Не знаю, — Аня покачала головой и снова вытерла слезы. — Но у меня есть вот это.

Пошуршала чем-то в своем рюкзаке и достала оттуда небольшой листок бумаги.

— Мне его Марья Васильевна дала.

Она спрыгнула с дивана и протянула листок. Глазки Анянки все еще блеснули от слез, но она старалась выглядеть храброй.

— А ты правда мой папа? — с надеждой посмотрела на меня. — Ты спасешь маму? Марья Васильевна сказала, что у тебя много денег и ты можешь все!

На листке был указан адрес больницы и номер палаты. Я кивнул, стараясь не показывать, что это не облегчит мне задачу. Сердце сжималось от боли за девочку, я хотел сказать ей, что не могу давать таких обещаний, но это бы только сильнее расстроило ее.

— Я не знаю, Анечка, — ответил осторожно, но честно. — Но постараюсь узнать как можно больше. Я сделаю все что в моих силах, чтобы помочь твоей маме.

О том, что она моя дочь, я только догадывался. Тест покажет, так ли это, но пока что я лишь смотрел на нее, маленькую, и не мог поверить своим глазам. А вот что случилось с Вероникой, я даже не представлял.

Передо мной был адрес онкологического корпуса центральной клинической больницы. Номера телефонов предусмотрительно подписали и даже указали время, в которое лучше звонить.

Я решил сделать это как можно скорее, но не при ребенке. Взяв листок, встал и вышел из кабинета. Секретарша встретила меня настороженным взглядом, но ничего не сказала.

— Катерина, побудьте с ребенком, займите ее чем-нибудь, — сказал бесцветно, хотя внутри все кипело от нетерпения.

Кивнув, она подхватила стаканчик с цветными карандашами и несколько чистых листов. Как только секретарша скрылась за дверью моего кабинета, я почувствовал, что напряжение немного спало. Но вот тревога никуда не исчезла.

Набрал номер заведующего отделением. В трубке послышались гудки, и по спине пробежал неприятный холодок. Зачем я это делаю? Почему не вызвал полицию, не отдал ребенка? Не выбросил все это из головы, как досадное происшествие?

Может, я просто испугался? Не хотел знать правду, боялся, что она окажется еще хуже, чем я себе представлял?

Может, я ждал Веронику? Все это время искал ее, зачем-то перебирая других женщин? Случившееся казалось каким-то чудом, ведь я почти окончательно очерствел... Или это просто иллюзия и я обманываю сам себя?

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. В голове проносились обрывки воспоминаний: вот Вероника смеется, вот она держит меня за руку и ее глаза светятся радостью. Я не мог потерять ее снова.

Не мог.

— Аллю? — на том конце наконец-то раздался усталый женский голос.

— Здравствуйте. Максим Макаров. Я звоню по поводу Вероники Зайцевой. Как ее состояние? Каковы прогнозы?

— А вы ей кто? — вопрос прозвучал резко, словно собеседница хотела защититься от меня.

На мгновение в трубке повисло напряженное молчание.

— Отец ее дочери... — сказал как что-то само собой разумеющееся, будто уже подоснательно со всем смирился.

Но это было не так.

— Плохо, запущено, вовремя не диагностировали, — начала объяснять заведующая. Ее голос был сухим, но в нем проскальзывали нотки сожаления. — Ее бы в платную клинику. Мы, конечно, стабилизировали состояние, но...

Она продолжила рассказывать о диагнозе, методах лечения, даже упомянула об операции. Но меня мало интересовала эта информация. Я слушал ее, но мысли витали где-то далеко.

— Если обеспечить ей хорошее лечение, она будет жить? — прервал заведующую, едва сдерживая волнение.

От мысли, что я найду Веронику, а потом снова потеряю, стало не по себе. Это чувство было невыносимым.

— Конечно! — оживилась моя собеседница. — Через неделю можно переводить куда угодно. Сначала лечение, потом операция и снова лечение. Может, уйдет год, может, меньше...

— Сейчас что-то нужно? — уточнил я, стараясь подавить дрожь в голосе.

— Нет, все, что можем, делаем. Лучше приведите дочь, она очень по ней соскучилась. Но только во вторник. Сначала позвоните, уточните, мало ли что... И оставьте свой номер на всякий случай. К вам ведь можно обращаться?

— Да, — без колебаний ответил я.

Попрощавшись, сбросил звонок и остался стоять у окна, глядя в одну точку. Воспоминания о Веронике были яркими, как вспышки света в темноте. Они были полны настоящих чувств, которые я не мог забыть.

Даже если Аня окажется не моей дочерью, я помогу Веронике. Это будет мой дар ей, мой способ искупить прошлое и начать новую жизнь.

Глава 4

Рабочий день был потерян, и я решил устроить себе выходной. Забрав вещи Анютки и ее саму, я снова спустился на парковку офисного здания. Не замечал на пути ничего, с головой погружившись в свои мысли.

— А куда мы едем? — с любопытством спросила девочка, и ее глаза заблестели от предвкушения.

— Сначала в медицинский центр, потом ко мне домой, — скороговоркой ответил я.

— К маме? — Личико малышки озарилось радостным предвкушением, и мое сердце сжалось.

— К ней пока нельзя, но на следующей неделе мы обязательно ее навестим, — пообещал, искренне надеясь, что не обману ожиданий ребенка.

Мы доехали до ближайшей лаборатории, где делали ДНК-тест. Внутри все было стерильно и безжизненно, но чувство напряжения только усилилось.

Нас приняли быстро. Я подписал нужные документы, и мы сдали материалы. Я должен был подтвердить, что Аня моя дочь. Хотя, в общем-то, не сомневался, но документ мне бы не помешал... Почему-то я думал, что он понадобится как раз к приезду бабушки Ани. Пока что мама отдыхала в санатории, чему я был несказанно рад. Хоть не закатит мне очередной скандал.

Когда все было готово и мы уже сидели в машине, я посмотрел на Анютку. Она тихонько спала, прислонившись к окну. Я осторожно коснулся ее волос и улыбнулся.

Все будет хорошо. Мы справимся.

Вероника

Сегодня был определенно хороший день, но внутри меня все еще боролись радость и грусть. Мне стало легче, я даже немного походила по палате, словно пытаюсь поймать ускользающее лето. Замерла у окна, подставляя лицо последним лучам солнца и глядя на желтеющие листья. Сердце сжалось от тоски.

Опять я все пропущу...

Мы с Анюткой не виделись почти две недели. Я могла только слышать ее голос по телефону, который звенел каждый вечер перед сном. Рассказывала ей сказки, пытаюсь передать всю теплоту и нежность, которые сейчас были так важны для нас обеих. Но о Максиме не спрашивала. Боялась услышать его голос, боялась увидеть его лицо. Боялась своих чувств.

Сам он тоже не звонил. Я испытывала странное облегчение, хотя в глубине души понимала, что это неправильно.

Прогноз врачей был достаточно оптимистичным, и я могла вернуться домой, но только на короткое время перед следующим этапом лечения...

Внезапно в дверь постучали, и я вздрогнула.

— К вам посетители! — донесся до меня голос медсестры.

Я удивленно обернулась, не веря своим глазам. В дверях стояла моя маленькая Анютка. Она бросилась ко мне с такой скоростью, что я едва успела среагировать. Ее теплые нежные ручки обвили меня, и слезы радости не заставили себя ждать.

— Мама! — прошептала Аня, и я, не удержавшись, прижала ее к себе.

— Доченька... — выдохнула, надев на лицо маску. — Я так соскучилась!

Я крепко обняла ее, чувствуя, как накачивает слабость. Ноги едва держали меня, но я не могла испортить этот момент. Я пообещала себе быть сильной — ради нее.

Вдруг на пороге появился еще один посетитель...

Максим.

Он тихо закрыл за собой дверь и замер, не зная, как реагировать на эту встречу. Помимо растерянности в его взгляде читалось что-то еще, что я пока не могла понять.

А я? Я ведь тоже была в ступоре. Шесть лет. Шесть долгих лет, за которые мы ни разу не встретились. Шесть лет, за которые он стал еще красивее, еще увереннее. Из симпатичного парня он превратился в представительного мужчину с идеальным телосложением. Но самое главное — он не растерял своего особого шарма, которым всегда умело пользовался.

Я стояла, не в силах оторвать от него взгляд. Внутри уже поднималась буря противоречивых эмоций. Радость, гнев, страх... Все смешалось в один вихрь, который я не могла контролировать.

— Ты... — вспыхнула как спичка.

Не знаю почему, но меня стало разрывать от ярости. Я была уверена, что он захочет отомстить. Безжалостно. Подло. Будет использовать против меня мою же дочь.

— Привет, Вероника. — Голос Максима прозвучал так спокойно, что это только подлило масла в огонь.

Он отмер, словно очнувшись от долгого сна, и аккуратно положил на столик букет цветов. Рядом с ним появился пакет, от которого исходил приятный аромат чего-то сладкого.

— Тебе ведь нельзя нервничать, да?

Максим подошел ко мне. Мягко, почти нежно взял за локоть и подвел к стулу. Его прикосновения были похожи на удар тока — одновременно обжигающими и успокаивающими. От неожиданности ноги подкосились, и я едва удержалась, чтобы не рухнуть на пол.

— Давай я расскажу тебе о перспективах? — он пытался говорить убедительно. — А потом, когда ты выздоровеешь, можешь прочитать мне лекцию о безответственности. Я даже разрешу вклеить мне пощечину. Знаю, что заслужил...

— Это ты сейчас мне говоришь? — растеряла весь свой запал, не веря ушам.

Злость растворилась в воздухе, как дым. Внутри меня образовалась пустота, смешанная с недоумением. Я усадила дочь себе на колени и стала поглаживать ее по спине, пытаюсь найти в этом хоть какое-то утешение.

— Тебе. Я хотел бы многое объяснить, даже попросить прощения...

— С чего бы? — холодно бросила я, тщательно скрывая эмоции. — Мы бывшие, забыл? Прошное давно позади, я не хочу ворошить его.

— Я тоже так думал, пока не увидел ее... — Максим нервно кивнул на Анютку, и в его глазах мелькнула тень сожаления. — Даже не буду спрашивать, почему ты не сказала о ребенке. Это тоже моя вина. И моей матери... Много изменилось с тех пор, но лучше обсудить это позже. Если все будет хорошо, тебя выпишут на следующей неделе, — он замолчал, подбирая слова, и его лицо стало хмурым, напряженным. — Ты только думай о том, что Аня нуждается в матери. Ладно?

Я почувствовала, как сердце сжимается от боли и непонимания. Он говорил намеками, но я не могла уловить их смысл.

— Это ты к чему? — дрогнувший голос выдал мое волнение.

Воздух в палате стал густым и вязким. На секунду мне показалось, что я не могу дышать...

Глава 5

Максим почему-то избегал моего взгляда и все время смотрел куда угодно, только не на меня.

— Я нашел хорошую клинику и оплатил твоё лечение. Если операция пройдет успешно...

— С чего такая щедрость?

Удивление сменилось недоверием. Я хотела напомнить ему, что при расставании он даже подарки свои забрал. Хотя я никогда не считала его мелочным. Не лично, конечно, но руками прислуги, которая оперативно помогла собрать вещи и выставила меня за дверь.

— Тебе ли не знать, что я никогда не был жмотом, — странно отозвался Максим, прямо угадав мои мысли.

— Это ты о том, что все подарки остались у тебя? Их же отобрали по приказу твоей матери. — Внезапно до меня дошла истина, и я вновь вскипела от гнева.

— Матери? — Максим изобразил удивление на лице. — Я ничего не знал, она точно умолчала об этом.

Он и правда выглядел растерянным, но на секунду в его глазах мелькнуло что-то темное. Я стала догадываться, что за всем этим стоит нечто большее, чем просто щедрость и забота.

— Даже мой телефон остался в твоём доме... — вырвалось у меня с горечью и злостью.

Я годами носила в себе неприязнь к этой женщине, которая решила, что лучше знает, с кем жить её сыну.

— Ты ведь не был против, ты поверил ей, а не мне! — воскликнула я, дав волю эмоциям.

— Тебе нельзя волноваться, — со сталью в голосе ответил Максим. — Мы все обсудим, когда тебе станет легче.

Я с трудом могла сдержать слезы, чувствуя, как голова кружится, а тошнота подкатывает к горлу.

— Тест ДНК уже сделал?

— Конечно, — сказал он как что-то само собой разумеющееся. — Маму надо было поставить на место.

— Время! — в палату заглянула медсестра, прервав нашу напряжённую беседу.

— Можно я буду тебе писать? — Максим посмотрел на меня так искренне, что я на мгновение замерла.

— Ты спрашиваешь разрешение? — удивилась, решив, что мне послышалось.

— Да. Так можно?

— Да... — кивнула я, не зная, что ещё сказать. — Оставь нас на пару слов с дочерью, пожалуйста, — попросила вежливо, и внутри все сжалось от волнения.

Он встал и вышел, не попрощавшись, как будто ему было неприятно здесь находиться. Оставил после себя пустоту и холод, но в то же время дал мне надежду. На что? Возможно, на жизнь...

— Аня, у тебя все хорошо? Тебя не обижают? — повернулась к дочери, пытаясь заглушить тревогу.

— Нет! У меня есть своя комната, там много игрушек! И няня, настоящая! — затараторила малышка, сияя от счастья. — В садик я пока не хожу. Максим сказал, что у тебя могут быть неприятности, если я туда вернусь без тебя!

В груди что-то екнуло.

— Значит, тебе у него нравится?

Я столько себе напридумывала, а оказалось, у Анютки все хорошо... Может, Максим и правда изменился? Или это лишь видимость?

— Да. Но я очень скучаю! А ты сможешь пожить немного со мной, когда выздоровеешь? — спросила малышка с такой искренней надеждой, что мое сердце чуть ли не разорвалось.

— Мы ведь вернемся домой... — я попыталась улыбнуться, но вышло немного натянуто. — Или ты хочешь жить у Максима?

— У меня есть своя комната... — Анютка вздохнула, и в ее глазках мелькнула тень грусти. — И у тебя будет своя, он обещал! Ты же будешь рядом со мной, мамочка?

— Давай не торопиться с решениями? — Я прижала дочь к себе, стараясь передать ей всю свою любовь. — Вечером позвоню, хорошо?

В палату снова заглянула медсестра, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Да, мамочка. — Доченька нежно чмокнула меня в щеку. — Выздоровлявай!

Она выскользнула из моих объятий и скрылась за дверью. Я осталась одна, растерянно смотря ей вслед, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Что принесет возвращение Максима? Проблемы, с которыми я не смогу справиться? Или...

Я не хотела думать об этом сейчас. Болезнь не красит человека и порой заставляет совершать лишние поступки. Кто я для Максима? Нужна ли я ему после всего, что случилось? Эти вопросы крутились в моей голове со скоростью калейдоскопа, не давая покоя.

Все, что мне оставалось, — это верить в лучшее и надеяться, что, когда я выйду из больницы, все станет на свои места.

Максим

Она почти не изменилась. Лицо скрывала маска, но глаза... были такими же, как прежде. В них блестели непролитые слезы.

Она сразу начала с обвинений. Я не обиделся — понимал, что это реакция на то, что Аня сейчас со мной. Мне нужно было срочно сгладить углы, чтобы не усугубить ситуацию.

Но самое главное — я понял, что до сих пор люблю ее и точно не верю в измену. Пообещал себе, что сделаю все, чтобы вернуть ее доверие. Для начала я вылечу Веронику. Прогноз врачей обнадеживал, и я готов был бороться за свое счастье, за наше общее будущее. Анютка должна расти в полноценной семье.

Лишь когда мы покинули больницу, я осознал, что сбежал из палаты, даже не попрощавшись. Внутри все сжалось от жгучего чувства стыда. Вероника наверняка посчитает это очередным оскорблением.

Снова узнал неприятное о матери... Она все больше и больше удивляла своей жадностью. Мы никогда не нуждались в деньгах, но она продолжала цепляться за каждую копейку. Это было странно и неприятно.

Мама возвращалась сегодня, и нам предстоял непростой разговор. Я уже морально приготовился к нему, ведь решил во что бы то ни стало сохранить свою семью.

Маму ждал не только разговор со мной, но и неприятная новость. Ее вещи, аккуратно сложенные в коробки, были перевезены в старую квартиру — ту самую, которую они покупали с отцом много лет назад. И пока Аня с Вероникой будут находиться в моем доме, она не вернется в облюбованный уголок...

Решение забрать их к себе было принято без малейшего колебания. Вероника не имела собственного жилья и была вынуждена снимать квартиру. Чтобы отрезать ей путь к отступлению, я намерился перевезти все ее вещи и расторгнуть договор аренды. Пусть это и жестоко, но другого выхода я не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.